

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

**УДК 811.16
ББК 81.41
и 88**

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. *А. Ф. Журавлёв* (отв. редактор серии),
к.ф.н. *Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая* (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. *М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. *Е. В. Колесникова*, к.ф.н. *М. В. Ясинская*

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

**ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589**

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>C. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>o</i> - и <i>u</i> -основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах	5
<i>Сладжсана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>C. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>I. A. Букринская, O. E. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>I. A. Марченко, P. B. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>A. B. Малышева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>M. H. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>H. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>T. B. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>A. B. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах	326
<i>D. H. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>C</i>	345
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>T</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко.</i> Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)	407
<i>Н. И. Муравлева.</i> Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево	426
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)	442

А. Ф. Журавлëв
(Москва)

Лексикографические фантомы 14. СРНГ, С

Предлагаемые заметки о сомнительных, с точки зрения автора, формах и формальных и содержательных оплошностях в Словаре русских народных говоров являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений [Журавлëв 1995–2023].

Ключевые слова: Словарь русских народных говоров, диалектная лексикография, гапакс

Предлагаемые заметки о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (большей частью гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка являются продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорён характер наблюдений и выдвигаемых прочтений (см. [Журавлëв 1995–2023]). Кроме заголовков, отражающих лексический состав говоров и служащих основным предметом наблюдений, в поправках нуждаются и многие формальные оплошности внутри статей. Немалочисленные, к сожалению, содержательные неточности (в словарных дефинициях, межстаратейных соотнесениях и проч.) здесь по большей части оставляются без комментариев: этот круг вопросов заслуживает отдельного весьма обстоятельного разбора.

Особенную проблему составляют текстуальные иллюстрации к статьям. В СРНГ, в числе прочего опирающемся на опубликованные материалы, последние обычно подвергаются «улучшающей» правке — снятию ударений, устраниению «самопальной», не всегда точной собирательской графики при передаче фонетического облика диалектного слова (это заметно при сличении текстов с их написанием в словарях-источниках) и проч. Нередко, однако, заметно некритичное сохранение очевидных собирательских ошибок, которые нуждаются не столько в немедленном исправлении, сколько в осторожных указаниях на них (с помощью пометы «sic», принятой в иных словарных и несловарных изданиях, или её эквивалентов).

Некоторые из нижеследующих замечаний касаются недостатков не собственно разбираемого лексикона, но погрешностей, вольно или невольно перенесённых в него из словарей-доноров.

* * *

1. Стриж. (...) [СРНГ 42: 5].

Придирка к толкованию, от которой нелегко удержаться. Живописное определение (п о ч т и по Далю) «птица-коротконожка, которая с трудом падая, подымается с земли», предложенное в статье, своей анекдотичностью обязано невнимательному приписанию обстоятельства «с трудом» не тому синтаксическому хозяину.

Стрихн́ина, жс. Стрихнин. *Раньше промышляли лису — клали стрихнину. Это, как крысит [= «крысида», отрава для грызунов и др. — А. Ж.] для волков и лисиц, клали стрихнину внутро мяса, раскидывали, волки ели мясо и сыхали.* Том. Том., 1995 [СРНГ 42: 9].

Форма *стрихнину*, дважды встречающаяся в иллюстрации, может нести ограничительную количественную семантику (паритивный падеж). Если так, то необходимость комментируемой словарной статьи — как приписывающей слову иной грамматический род и умножающей формальные сущности — оказывается под сомнением.

Стров, м. Остров. *На стровах были шишки.* Кож. Том., 1986 [СРНГ 42: 10].

Несмотря на то, что в словаре через позицию фигурируют формы *стровóк* (отмечаемая в той же Томской области) и *стровóчек* «уменьш.-ласк. к *стров*», приведённая иллюстрация может отражать афerezис — стяжение соседних гласных звуков близкого качества на стыке предлога и существительного: [нэ_аст-] → [нэст-]. Тем самым лексикализованность формы, помещённой в заголовок комментируемой статьи, скорее всего мнимая. Исчезновение начального подударного ó- с перенесением ударения на следующий слог (*óстров* > **стрóв*) в полнозначной лексике представляется маловероятным, несмотря на случаи вроде осташк. (твер.) *кунь* ‘окунь’ [СРНГ 16: 95], урал. *мут* ‘омут, водоворот’ [СРНГ 18: 367], впрочем, очень сомнительные — географически сиротливые, без регистрации иных парадигматических единиц и никакими контекстами-

иллюстрациями, которые могли бы пролить свет на речевые механизмы возникновения обсуждаемых форм, не сопровождённые. Из неполнозначных слов с подобной варьируемостью к сопоставлению напрашивается предлог *около* // прост., диал. *ко́ло*, однако ударность одного из его слогов ощущима главным образом в изолирующем, вне контекстном исполнении, в текущей же речи этот предлог склонен ослаблять ударность вплоть до нуля (: [кэлэ_дома], [клэ_дома] и даже [кд_дома])¹. Что же касается упомянутых диминутивных форм *стрювок* и *стрювочек*, то в обсуждаемом плане они не показательны, поскольку у них элиминирован начальный гласный, находившийся в безударной позиции. Да и в этих случаях вовсе нет уверенности, что мы имеем дело с явлениями уязыковлёнными, а не чисто речевыми. Вообще же доля речевых форм, которым в СРНГ бесконтрольно сообщается статус языковых, для внимательного взгляда великовата.

Стройки, мн. Грибы сморчки. Даль. || Грибы [какие?] Яросл., Яросл. слов., 1990 [СРНГ 42: 20].

Оба свидетельства, и нелокализованное далево, и ярославское, кажутся сомнительными — как собственно фонетически, так и в акцентном отношении. Отправной формой, по-видимому, следует находить *строчки*, sing. *строчок* ‘гриб Gyromitra esculenta = Helvella mitra’ (в СРНГ такой статьи нет). В индивидуальных произносительных манерах, в частности у информантов в преклонном возрасте, с вялой артикуляцией, мягкий шипящий [ч'] перед палатализованным [к'] может утрачивать смычку и сближаться с [j] до их неразличения. Не эта ли произносительная особенность могла отразиться, например, в диалектной записи, которая послужила основой для заголовочной реконструкции **Строёк (стројóк)** ‘гриб строчок’ в словаре подмосковных говоров [Иванова 1969: 495–496]? Часть упомянутой статьи в свою очередь воспроизведена в [СРНГ 42: 15] — с многими, как водится в этом кумулирующем издании, поправками-«улучшениями», которые отдаляют вторичный текст

¹ Несмотря на присутствие в разных славянских языках формы **kolo* как самостоятельного предлога, в этом грамматическом качестве праславянские этимологические реконструкции стараются обходить её стороной (см. [Кореbsý 1981; Ślawski II: 369; ЭСБМ 4: 115] и др.; в [ЭССЯ 26: 78; Machek2: 269–270] — только предложно-именное сочетание **ob(-)kolo*). Очевидным образом они находят её вторичной — следствием фонетической редукции (ср.: [ESSJ 1: 89–90]), вернувшей этому предлогу-наречию внешнее сходство с существительным **kolo* ‘круг’.

от текста в словаре-источнике, усугубляя и без того малую аккуратность последнего.

Строчёльный (...) Строчельным шилом сшивают голенища или пришивают передки к поленицам. (...) [СРНГ 42: 31].

Претензия не к заголовочной лексеме, а к последнему слову в иллюстрирующей цитате. Оно — скорее остального неправильно прочитанная форма *голенищам*, инопадежный повтор только что произнесённого слова: в семантике лексемы *полен(и)ца* и формально близких ей (см. [СРНГ 29: 56–58]) нет ничего сколько-нибудь подходящего к данному случаю.

Строчёный (...) Получивший строгое воспитание (о человеке). *Поучи-ко, богоданный батюшко, Что меня-то да молодешеньку.. Еще я была де не ученая Да и не строченая* (свадебная песня). (...) [СРНГ 42: 31].

Отказ от использования литеры *ё* за пределами статейных заголовков, и прежде всего в текстуальных иллюстрациях, если только это не продолжение манеры оригинала, — для разбираемого словаря бездумный грех. Приведённая песенная цитата допускает чтение слов *ученая* и *строченая* с ударением на начальных слогах, и если использованная фольклорная запись буквы *ё* не содержала (что имеет вероятность), то «восполнение» этого недостатка — грех не меньший. Комментируемому словарю как изданию академическому не хватает ясности эдиционных принципов и последовательности в их применении (хотя тут же возникает мысль: конкретный диалектный и фольклорный материал, да ещё вторичный, уже пропущенный через фильтры не всегда надёжной регистрации, способен поставить под сомнение любые априорные принципы).

Строчить (...) Устанавливать срок для какого-либо свадебного обряда (...) [СРНГ 42: 31].

Поскольку в непосредственном соседстве и так же не предварённая цифрой, обязательной в настоящем словаре для разграничения омонимов, находится другая статья ровно с тем же написанием заголовка, но трактующая совершенно другую семантику, логично предположить, что в данном случае ошибочно проставлен акцентный значок; следует *(*)строчить*. Ср. префиксальные производные, сохраняющие ударение на основе: *отсрочить, просрочить, рассрочить*, диал. *высрочить*.

1. Стру́жка, ж. {...} 3. Рубанок {...} *Есть стружки базарские, а есть самодельные.* Арх. {...} [СРНГ 42: 41].

Несмотря на то, что далее в этом подпункте статьи регистрируются формы женского рода, отсутствие акцентных знаков в цитированной иллюстрации допускает, что форма *стружки* может отражать принадлежность к материалу статьи **1. Стружок** [1].

Струшёнушки, мн. {...} То же, что струменки (= ‘стремена’). Сычев. Смол., 1914 [СРНГ 42: 46].

Даже расположение статьи на своём законном месте — между словарными позициями **Струмётина** и **Стрúмить** — не подтолкнуло редактора (коль скоро участие корректора в работе над выпуском не предусмотрено²) поправить графическую погрешность. Ср., далее, приводимые в предыдущем выпуске словаря формы *стремёнушико*, *стремёнышки*, *стремёнышико* [СРНГ 41: 325] — без «прояснения», нужно заметить, (‘)e > (‘)o, как то навязывается заголовком комментируемой статьи.

Струнá {...} 5. Мн. {...} Снасти, которые управляют на судне носовым и правильными веслами. {...} [СРНГ 42: 47].

В толковании — оплошность в воспроизведении одного слова (видимо, рукописного, вследствие смешения начертания *ы* с *ье*) и пропуск необходимого ударения в соседнем. Следует: «носовым и правильными».

Стúкалка {...} 9. {...} *В Идже (сем) была така стукалка* {...} [СРНГ 42: 79].

Внутри круглых скобок в цитате — неверно прочитанное наборщиком слово *селе* (имеется в виду населённый пункт Иджа Шушенского района Красноярского края). Замечание видится нужным — во избежание нежелательного умножения сущностей, поводы к которому комментируемое академическое издание даёт в тревожном избытке.

Сúбогать, м. Зажиточный человек. Черепов. Новг., 1853. □ Сúбогать, собир. Зажиточные люди. *Субогати у нас в деревне много*. Черепов. Новг. 1910 [СРНГ 42: 133].

Определение грамматического рода («м.») чрезвычайно сомнительно для открывающего статью случая (по-видимому, вызвано механической

² Последний том, в выходных данных которого упоминалась деятельность корректоров, — 27-й: 1993 год.

ориентацией на слово «человек» в толковательной формуле) и очевидно ошибочно для второго, с собирательным значением (см. форму в цитате-иллюстрации).

Субшина, жс. Шиповник. (...) Новосиб., 1979. [СРНГ 42: 136].

Графический гиперизм. Впрочем, это результат некритического воспроизведения статьи из [Новосибирский словарь: 525] (с опущением, можно попутно заметить, проставленного в оригинале ударения). Более корректный вариант — *супийна* (← *шуши́на* ← *шиши́на*; см. также иллюстрацию к статье **Стрыкучий** — [СРНГ 42: 56]).

Сувóма, жс. Любительница вмешиваться в чужие дела. *Она и раньше сувомой была*. Новг., 1995 [СРНГ 42: 142].

Для объяснения этой тёмной вокабулы, не обнаруживающей видимых этимологических связей, следует обратить внимание на ряд лексем, которые соседствуют на следующей странице того же словарного выпуска, прежде всего на морфологически тождественное и недалёкое по семантике *сувоха* — «сплетница» (влад., 1858). Неблизкая география этих слов и значительная временная разница между их регистрациями смущать, кажется, не должны. Имея в виду производные от *сувоха* — *сувóшня* ‘сплетня, дрязги’, ‘сплетница’ (из Даля, без географических помет), влад. *сувóшница* ‘сплетница’ и *сувóшничать* ‘сплетничать’ (оба этих слова записаны в том же 1858 году, что и *сувоха*; словарное описание глагола является отсылкой к статье **Суббóтничать** 3. ‘то же’, но это последнее скорее нужно объяснять как результат ложноэтимологического преобразования), запись *сувóма*, сделанную в словаре-источнике ([Новгородский словарь 10: 177]) заголовком словарной статьи, я склонен понимать как следствие неверного чтения литеры *м* на месте правильной *ии*.

Для целей критической серии, к которой относятся настоящие наблюдения, сказанного достаточно. Однако затронутый случай нуждается в дальнейших прояснениях — уже собственно этимологического характера. Начальное *су-* в *сувоха* / **сувоша* можно в пробном порядке истолковать как префикс; однако этимологические связи слова в таком случае остаются смутными (сев.-в.-рус. — волог., вятск., перм. и др. — *вóшкать(ся)* ‘возиться’, как и орл. *вóхала* ‘тихая, застенчивая женщина’, например, далеки от него и географически, и в содержательном отношении). См., впрочем, [Аникин РЭС 8: 323, 330–331]. Но может случиться, что *сувоха* / **сувоша* — дериваты глагола *совать(ся)* / диал. *сувáть(ся)*, ср. [СРНГ 42: 137]:

‘(2) непрошенно вмешиваться во что-л.’, почему-то только «пинеж. арх.», хотя и форма и семантика глагола вполне внятны, более того, хорошо известны любому носителю русского языка. Этот толковательный вариант видится предпочтительным. Связь суффиксов *-óх-* ~ *-óши-*, и в отглагольных и в отыменных образованиях, более чем наглядна:ср. параллели *пройдоха* ~ *пройдоша*, *прохайдоха* ~ *прохайдоша* ‘проходимец’, *обироха* ~ *обироша* ‘вымогатель’, *нечистоха* ~ *нечистоша* ‘грязнуля’, *мамоха* ~ *мамоша* ‘любовница’, *святоха* ‘ряженый во время святок’ ~ *святоша* то же, *потихоха* ‘тихий, но хитрый человек’ ~ *потихоша* ‘робкий человек, тихоня’ (СРНГ).

Сугудá, м. и ж. Работящий, трудолюбивый человек. *Ребятишки у нас хороши, сугуды, сугудятся все время*. Р. Урал, 1976 [СРНГ 42: 153].

Не слишком вероятно, что в тексте, который иллюстрирует вокабулу, речь идёт именно о «работящих, трудолюбивых людях»: *ребятишки у нас...* Но смущает даже не это. Семантическая и грамматическая неоднозначности, этимологическая затемнённость основы в форме *сугуды* не помешали составителю статьи (в СРНГ или его источнике — не столь важно) сделать призаголовочную реконструкцию «существительное общеного (= “м. и ж.”) рода». Почему же не «краткое прилагательное»? Такое решение могло быть подогрето соседней формой *хороши*, возможно, параллельной и синтаксически, и в частеречном отношении.

Сúжгать, сов., неперех. Сжечь. *Ноныку все могилы стоптаны, сужганы*. Медвежьегор. Карел., 2005 [СРНГ 42: 183].

Статья представляет собою нагромождение погрешностей. Прежде всего бросается в глаза приписание интранзитивности переходному глаголу. Во-вторых, из цитаты изгнана диалектная местоименная форма: *вси* заменено на литературное *все*. Зачем?! В-третьих, сомнительна реконструкция заголовочной неопределённой формы: причастная форма оригинала *сúжганы* (в СРНГ ударение снято) даёт разные возможности кабинетной инфинитивизации; выбор заголовка здесь отдаёт механичностью, как аффиксное оформление инфинитива, так и напрефиксное удаление в нём отнюдь не диктуются зарегистрированной парадигмальной формой. Впрочем, замечание, касающееся парадигматической реконструкции, адресовано скорее источнику ([Словарь Карелии 6: 388]).

Сукóгая. Сукотная (об овце). (...) Зарайск. Моск., 1969 [СРНГ 42: 207].

Форма, взятая из подмосковного словаря А. Ф. Ивановой (с подновлением текста), невероятна. Это результат явно ошибочного прочтения бессуффиксного прилагательного — либо *сукóтая*, в рукописном исполнении с одновертикальной литерой *m*, либо, ещё возможнее, *сукóчая* (оба правильных варианта — ниже в [СРНГ 42: 212]). Ср. многочисленные в СРНГ заголовочные написания с заменой *ч* на *г*: *гапельник*, *Евдокия помоги порог*, *забегник*, *ког*, *лугом*, *отрогить*, *писган*, *ригае* вместо нужных *чапельник*, *Евдокия помочи порог*, *забечник*, *коч*, *лучом*, *отроочить*, *писchan*, *ричае* ‘ближе к фарватеру реки’ (= **rъчае*) (см. [Журавлëв 1995–2023 1; 2; 3; 5; 6; 7; 9].

Сукрótиться (...). Нагреваться (о воде). (...) [СРНГ 42: 215–216].

Позиция между статьями **Сукромы** и **Сукропный** (‘тёплый, нагретый’, ‘комнатной температуры’) и форма *сукропится* в иллюстрации заставляют видеть в заголовочном начертании вульгарную опечатку. Замечание, как в предыдущем и множестве подобных случаев, необходимо во избежание тиражирования досадных сбоев при возможном с нынешними исследовательскими технологиями механическом считывании словарных заголовков как отправного материала (с чем уже сталкивается «пользователь» обратных словарей, построенных на базе СРНГ, — [Reverse Index 1991] и особенно [Инверсионный индекс 2000], в которые попало немало опечаток и ошибочных прочтений при одновременной утрате верных форм).

Сулешá, м. и ж. Вертлявый человек. Р. Урал, 1976 [СРНГ 42: 221].

Неверно прочитано слово *сулемá*. Активность и токсичность сулемы (хлорида ртути), применявшейся как традиционное врачующее средство (см. [Янин 2000]), послужила сложению в говорах довольно широкой вторичной семантики, в том числе нраво- и характероописательной — ‘лицемер’, ‘о надоедливом, сующем нос не в свои дела человеке», ‘о глупом человеке», сдвигу слова в бранную лексику [СРНГ 42: 220; Новгородский словарь 10: 184; Словарь Карелии 6: 393]. Ср. образное *ртуть* в применении к подвижному, вертлявому человеку. Химия простирает свои руки широко: ср. эпитеты *токсичный*, *кислотный*, приглянувшиеся нынешним блогерам.

Сулевáть (...). Сбиваться в стаи в период половой активности (о самцах собаки). *Собаки суютют всю ночь, спать не дают.* Покр., Хотын. Орл., 2003 [СРНГ 42: 223].

Нахождение статьи между вокабулами **Сулобок** и **Соловей**, как и соответствующая глагольная форма в текстуальной иллюстрации, показывают опечатку в заголовке статьи; ожидаем *соловать.

Этимология глагола, однако, не очевидна. Фонетически и семантически похожими оказываются формы в говорах Буковины: *сулéти(si) / сульти(si)* ‘толкать(ся)’ [Буковинський словник: 533], галицких лемков: *суля, сулька* ‘суга’ [Верхратський 1902], см. также *сулáтися* ‘хватать, цапать (о собаке)’, *сультися* ‘толкаться, толпиться около чего-то’ [ЕСУМ 5: 473] (ср. значения рус. *сучиться* ‘приидираться, скандалить’, *диал. сúчиться*: ‘торопиться, суетиться’, ‘вертеться, шалить’, ‘ругаться, браниться’ [СРНГ 43: 34]). Однако историческая связь территориально далёких диалектных слов, к тому же иной раз слабо свидетельствуемых, требует доказательства.

Сунганéц, м. Муравей. Калин., 1972 [СРНГ 42: 243].

Заголовочная форма — результат сильной порчи оригинальной формы, производной от глагола *суть*. Названий ‘муравья’, производных в конечном счёте от этого глагола, в русских диалектах заметно более сотни. Не будет лишним привести здесь слова только на инициальную *с-*, включённые в [СРНГ 36–43] (этот перечень, не исчерпывающий всего материала, должен отвести возможные сомнения относительно форм корня, фонетически, а для многих и под давлением ложноэтимологических ассоциаций, сильно удалившимся от мотивирующего ^{+s}ъс-*ati* / ^{+sik-}*ati*): *сакунец, сакуши, селякуши, сигунец, сиканцы, сикаха, сикаши, сикашеник, сикашки, сикиши, сиклихи, сиклявка, сиклях, сикляха, сикошка, сикун, сикунец, сикунья, сикунишник, сикуха, сикуша, сикушка, силякуши, силяушки, сканец, скунец, сосуньё, ссаки / ссяки, ссакунец / ссякунец, ссакуши / ссякуши, ссакуша / ссякуша, ссакушина / ссякушина, ссанец, ссаха / ссяха, ссияши, ссикавка, ссикиши, ссикиашка, ссикилях, стоганец, ссуканец, ссулька, ссуля, ссыканец, ссыкун, ссыха, ссюн, ссякотка, ссяники, ссячки, ссяшник, стаканец, стакунец, станец / станцы, стеганец, стеканец, стекляга, стеклях, стекуши, стелякуши, стиганец, стиклях, стихун, стоганец, строгали, строганцы, стуканец, стукаши, стяк, стякуха, стякуши, суканец, сукунцы, сунганец, сякотка (об этой форме — отдельная заметка ниже), сцакун, сцакунец, сцакуша, сцакушина, сцалакуши, сцаркуши, сцекушки, сциклях, сцуканец, сцукаши, сякуши, сыкунец, сяки, сякунцы, сякуши, сяки... Список может быть увеличен данными других лексикографических источников (в одном только [ЯОС], для примера,*

обнаруживаются отсутствующие в приведённом выше перечне лексемы *ссакуны*, *ссокунец*, а также, за пределами назначенного алфавитного диапазона, *иуганец*, *иужанец*...). Начальную часть комментируемой графической формы нетрудно понять как испорченное в чтении рукописное буквосочетание *сци-*; озвончение заднеязычного *-к-*, предшествующего суффиксу *-ан-*, также, как можно заметить, не редкость.

Мотивированность именований муравья идеей «мочеиспускания» заслуживает специальных наблюдений, в том числе на материале иных языков. Муравьи как семейство лучше прочих насекомых известны «небиологам» свойством выделять биологически активные вещества, влияющие на поведение других особей того же вида. Ср. моск., яросл. *зассать* ‘обжечь едкой, жгучей жидкостью (о муравьях)’: *Не садись тут: ссакунцы зассат* [СРНГ 11: 54].

Сúпарень, м. (...) [СРНГ 42: 248].

Семь нумерованных значений, выявленных для заголовочной формы, соединены в алогичном порядке. Одну группу сопряжённых смыслов образуют значения и «подзначения» (1) ‘женщина, которая выполняет мужскую работу…’, ‘…женщина с повадками… мужчины’, ‘…девочка, по внешности напоминающая мальчика’, ‘девочка, которая играет с мальчиками’, (3) ‘парень с повадкой женщины’ и (7) ‘гермафродит’. Вторая группа складывается из определительных формул (2) «о непослушном ребёнке», (4) «о бойком, озорном человеке», (5) «о человеке, любящем поспорить» и (6) «об упрямом человеке». (Интересно, случайно ли значения внутри этих двух предлагаемых здесь группировок оказались переданными синтаксически контрастными способами — прямым, в номинативе, и окличным, с предлогом *о(б)?*) См. следующее замечание.

Сúпарить (...). Вести себя мужественно, проявлять смелость. (...) || Быть безрассудно смелым. (...) Волог., 2005 [СРНГ 42: 248].

Слово выглядит результатом едва ли не откровенной графической порчи. Акцентное оформление глагола указывает на префиксальную природу начального *су-*, а трудновообразимую для славянского корнеслова фонемную последовательность *-парн-* можно попытаться объяснить ошибочным чтением какой-либо литеры в ручной диалектной записи. В жертвы просится прежде всего вторая (правая) буква *н*. В этом случае семантика комментируемого слова может быть сопоставлена со значениями 2., 4., 5., 6. в статье **Сúпарень** (см. предыдущее замечание). Доста-

точно оправданным выглядит сравнение с формами, отражающими другой вокализм корня, — вичуг. иван. *сүпорень* ‘упрямый человек’, пошех. яросл. ‘живой, весёлый, легкомысленный человек’ (СРНГ, 42: 254).

Об этимологии слова *парень* (также диал. *пóрень*), которая показывает его незаёмный характер, см.: [Журавлëв 2016].

Супек, м. Солнцепек [?]. *На сухой почве, даже на супеке, вырастают величественные боры* {...}. Обл., Максимов, Нечистая сила, 1899 [СРНГ 42: 248].

Книга С. В. Максимова процитирована аккуратно. Тем не менее форма, ставшая заголовком статьи, недостоверна, а предложенное в ней толкование, как видно из его сопровождения вопросительным знаком, гадательно. Претензии к составителю комментируемой словарной статьи, однако, были бы несправедливы. Причина кроется в типографском недосмотре, который у Максимова — автора высококомпетентного и безукоризненно добросовестного — в затронутом терминологическом случае должен расцениваться как едва ли не исключительный. Будучи уже больным (туберкулëз гортани), сочинитель мог корректуры начального варианта этой книги не держать; впрочем, прямых указаний на это в биографиях Максимова я не нашёл. Целиком «Нечистая, неведомая и крестная сила» вышла через два года после смерти писателя. Пропущенная в издании 1899 года ошибка несомненно принадлежит наборщику — «на супеке» вместо правильного *на супеси* (*сүпесь* жен. р. — ‘бедная почва, представляющая собою смесь песка и глины’; слово низкочастотное, но не «обл.», а вполне литературное, почтоведческий термин). Толкование «солнцепёк» навязывает цитированной фразе смысловую невнятницу, прочтение же *на супеси* возвращает ей безупречную точность.

Супли́на, жс. Растение шиповник. {...}. Одесск., 2001 [СРНГ 42: 251].

С уверенностью можно утверждать, что заголовочная форма — ошибка набора (случившаяся не при оформлении уже готовой словарной статьи, а на более ранней стадии, возможно, при перепечатке данных, берущихся из другого словаря). Следует: *супшина*. Во-первых, см. статью **Супшина** (‘шиповник’), где в числе прочих имеется территориальная помета «одесск.» (текстуальная иллюстрация другая). Во-вторых, нет никаких причин для усомнения фонетического сдвига от межзубного глухого фрикативного к латеральному сонорному. В-третьих, на машинной клавиатуре литеры **Ш** и **Л** находятся рядом, одна под другой.

Сúпорóсу. Супоросная свинья. (...) [СРНГ 42: 255].

Слово так называемой категории состояния («несклоняемое прилагательное») оставлено без грамматической пометы, но опорным членом толковательной формулы неосмотрительно сделано определяемое этим словом существительное: некорректность, нередкая в любительских словарных описаниях.

Сúпохой, м. Волна тепла, распространяющаяся от источника. *Супохой называют на пече, тепло идет.* Каргоп. Арх., 1971 [СРНГ 42: 257].

Конечная часть формы, которая фигурирует в заголовке статьи, может быть понята как флексия творительного падежа существительного женского рода, а сама словарная статья описывает чуть ли не то же слово, что и предшествующая: вельск. арх. *сutoхá* ‘отверстие в русской печи, куда вставляется труба самовара’. Различия в значениях едва ли не мнимы. Каргопольский текстуальный пример скорее следует понимать как эллиптическую передачу идеи «*супохою* называют деталь печной конструкции, от которой непосредственно истекает тепло». Заголовком статьи тем самым порождён очередной лексический фантом. Однако же сама основа *супох-* представляется реальной: это результат деэтиологизирующего обмена вокализмом между корнем и суффиксом, а исходная форма богато представлена в [СРНГ 40: 9], см., в частности, *cónúxá* — ‘отверстие в русской печи для выхода нагретого воздуха’. Упомянутый «обмен вокализмом» в словах с нечёткой или утрачивающейся внутренней формой — явление нередкое, ср. *мотузить* ~ *мутозитть*, *куражиться* ~ *каружиться*, *карнучить* ‘мяукать’ ~ *курначить*, *растатура* ‘разногласие, раздор’ ~ *растутура* то же, *бураздаться* ‘возиться в воде’ ~ *баруздиться* ‘о водной поверхности: покрываться рябью’, *па(в)ук* ~ *пу(в)ак*³. Что же до несходства форм *сúпохой* и *супохá* по ударению, то эти «испорченные» версии, как нетрудно увидеть, отражают акцентную варийируемость в слове-источнике (*cónúxá*), когда выделенным может быть и корень, и суффикс, и флексия.

Супырь, м. (...) 3. Кольцо как украшение на пальце. (...) [СРНГ 42: 271].

³ По моим наблюдениям, в таких «обменах» составляют значительную долю, если не преобладают, словесные пары с гласной фонемой *у* в основе и ударением на втором, когда основа беспрефиксная, слоге.

Слово, будучи заведомым омонимом другим лексическим единицам, включённым в эту статью, — (1.) ‘небольшая возвышенность, пригорок’, (2.) ‘сугроб’, (4.) «о высокомерном, надменном человеке» и др. — должно было образовать самостоятельную статью (с дифференцирующей нумерацией перед вокабулой). Статьи **Супёр**, **Супёрик**, **Супёрик**, **Супёричк**, **Супирка**, **Супирчик** и др., трактующие на соседних страницах названия ювелирных изделий, принадлежат тому же автору. О форме *супырь*, как и об остальных, начиная с *супир*, см.: [Добродомов 2009: 93–104; Березович, Кучко 2024: 54–65].

Сурáйт, м. Небольшая птица сем. выюрковых, щур. Яросл., 1926 [СРНГ 42: 275].

Сопоставление с размещёнными на той же словарной странице орнитонимами (к сожалению, без акцентуации) петерб. *суран* и моск. *суранк* ‘дубонос’ (из тех же выюрковых), производным петерб. *суранчик* ‘птица сем. дроздовых, чекан’ заставляет подозревать в заголовочном написании, взятом из словаря [Мельниченко: 196], какую-то графическую подмену. Этимологизация представляет трудность.

Сураховýто, безл. сказ. Боязно, страшно. Брон. Моск., 1897 [СРНГ 42: 275].

Начальная часть графического слова просится в сравнение с написанием *страх-*, но что-то останавливает: неужели это не приходило в голову и составителю статьи?

Сурбуг, м. Сургуч. Шацк. Тамб., 1934–1950 [СРНГ 42: 275].

Приходилось слышать слово *сургуч* в подпорченных фонетических вариантах — *сюргúч* и *сюrbúч*. Поэтому настоящее замечание касается только последней буквы в обсуждаемой вокабуле: рукописная литера **Ч** воспринята как **Г**.

Суриголóвки, мн. Головастики. Лебед. Тамб., 1851 [СРНГ 42: 277].

Составитель этой статьи воспроизвёл статью, ранее написанную другим автором: **Стриголóвки** [СРНГ 41: 341] — ровно с тем же послезаголовочным текстом, но с внесением порчи в заголовок. Ни та ни другая приведённая форма не зарегистрирована на карте № 33 «Общеславянского лингвистического атласа «Головастик» и в комментариях к ней (см. [ОЛА ЛСС Животный мир: 90–91, 161–162]), при этом не свидетельству-

емая атласом тамбовская форма *стриголовки* недоумений не вызывает, но цель и смысл её поновления в комментируемом словаре, как и вообще распределение картотечного материала между его составителями, остаются загадочными. Ассоциаций заголовочной формы с вокабулами *соприволова* и *урвиголова* (см. [СРНГ 47: 31]), к которым онавольно или невольно приблизилась, возникать как будто не должно.

Сурóк (...). Сироп (...). [СРНГ 42: 287].

Невыправленная опечатка в заголовке статьи: следует **Сурóп** (статья находится между словарными позициями **Сурончак** и **Сурóпти**). Складывается стойкое впечатление, что читаемая книга вообще не знала корректуры; о недопустимости в академической лексикографии такой ситуации уже говорилось. Кстати: в отечественном index a tergo к СРНГ, изданном за 10 лет до комментируемого выпуска, фигурирует нужная позиция *súrop*, см. [Инверсионный индекс 2000: 334], хотя в самом лексиконе такого статейного заголовка, как видим, нет.

Сýрось, жс. Вещество, придающее серый оттенок лицу. (...) [СРНГ 42: 287].

Речь не о «лице», а о нуждающемся в отбеливании *льне!* Копируя статью из [СРГС 4: 485] (или его предварительного эдиционного варианта), составитель комментируемого текста, кроме внесения поправки в оригинальное толкование, подверг корректированию и иллюстрацию: избавил её от буквы *ё* и затемnil содержание текста его укорочением.

Сурóц, м. Порча, сглаз. Смол., 1890. *Суроцы подумные, заносные*. Смол. [СРНГ 42: 287].

Составитель статьи не соотнёс видимым образом форму *суроцы* в цитате с глаголом *сурочить* ‘нанести сглаз, порчу’ и отглагольным именем *сурок/сурёк* ‘сглаз’, *суроки/сурёки*, хотя бы они находились в ближайшем страничном или — во время предварительной работы — картотечном соседстве (как и с ранее описанными формами *суречить*, *суречливый* — [СРНГ 42: 277], в которых может скрываться сохранённый корневой вокализм [ó] после мягкого [р']). Сведения, поставляемые комментируемой статьёй, должны фигурировать в словарной позиции **1. Сурóк и сурёк**.⁴ По каким соображениям материал, использованный

⁴ Восстановление форм единственного числа подобных, с чередованием согласных в исходе корня, имён может представлять трудность для диалектносителей (и не

для создания комментируемой статьи, отделён от того, который показан в статье **Суроцы**, мн. («Смол.» и «Зап. Брян.»)? Ни малейшего повода к его разграничению не видно; более того, возникает острое подозрение, что противопоставительно-перечислительные интонации, отражённые в эпитетах «*подумные, заносные*» (см. иллюстрацию к комментируемой статье), попросту продолжаются в цитате из заговора к статье **Суроцы**: «*стрешиые, пуперешные, ноиные, полуноиные, денные, старицкие, старушечни, женськие, мужецкие, ребячни, детинные*».

Суседчиха, жс. Женск. к сосед, соседка. (...) [СРНГ 42: 298].

Словарные статьи, к которым отсылается читатель, дают широкий разброс значений — от (1.) ‘сосед’ до невнятного (7.) ‘деньги’ первая и от (1.) «женск. к сосед, соседка» до (7. Мн.) ‘игра молодежи на вечерках’ вторая. Читателю, мало знакомому с русской демонологией, не сразу придет в голову ограничиться толкованиями ‘домовой’ и ‘овинник’ (и тот и другой ‘в женском облике’), теряющихся в статьях **Сосед** и **Соседка**: содержание иллюстративного текста в статье **Суседчиха** к этому прямо не толкает. Назвать подобные приёмы «толкований» и внутрисловарной адресации с игнорированием нумерации значений можно только лексикографической небрежностью и равнодушием к потребностям читателя.

Сухлетъ, жс. Высохшая трава. Так сухлетя много. Каргоп. Арх, 1971 [СРНГ 42: 331].

С косвеннопадежной формой *сухлетя* (в иллюстрации) плохо соотносится призаголовочная характеристика грамматического рода: «жс.». Она выбрана, по-видимому, из интуитивной ориентации на род имён с суффиксом *-edъ (ср. быстриядь, кислядь, мокрядь, пестриядь, рухлядь, чернядь), что оправдано исторически, но не поддерживается поздним состоянием комментируемой диалектной формы.

Сухмénъ, жс. (...). [СРНГ 43: 5–6].

Случай, отчасти перекликающийся с предыдущим. Слово призаголовочной пометой аттестовано как принадлежащее женскому роду; других

только для них). Отсюда возникают случаи патологической, хотя и реальной, лексикализации плюративных форм с их перемещением в сингулятивы, ср. смол. *суроца* («ы, ж., ед.»): *Ат суроцы тябе толька банка выличить;* *Яе деука дужса суроцы башца,* дурнога глазу [Смоленский словарь 10: 148]; *Суроца завис(m)ная, радостная, подумная, поглядная, денная* [СРНГ 42: 287].

«гендерных» помет в этой большой статье нет. Однако в четырёх случаях, два из которых (*сухмень потянул и сухмень был*) неоспоримы, а два (*на сухмене*) более чем вероятны, оно показывает несоответствие назначеннной грамматической характеристике.

Сухогру́зок, *м.* Разновидность груздя. *Сухогрузки растут, где тра́вы нет, где сосна, где березы, листва — сырой груздь растет.* Талицк. Свердл., 1987 [СРНГ 43: 9].

По словесной иллюстрации заметно, что диалектоноситель, от которого записан текст, хорошо владеет мыслью, и выражения *сухогрузки* и *сырой груздь* очевидным образом противопоставлены друг другу как передающие соотносительную семантику. Единственное, чем можно было бы улучшить текст (и улучшить сильно!), — разбить его точкой после слова *сосна*. Записанная форма *сухогрузки* нуждается в орфографической поправке: **сухогрузки*; соответственно, иначе должен выглядеть и заголовок. Ср. различение видов груздя в диалектной (Среднее Поволжье) микологической номенклатуре: *сухой груздь* и *сырой гру́зель* (Мызников 2005: 290).

Сухорéбая. Жеребая (о кобыле). Калин., 1940 [СРНГ 43: 21].

Заголовок статьи — скорее прочего результат ошибочного чтения диалектной записи. Ср. *сужерéбая* и *сужсерéбая* [СРНГ 42: 184].

Сухóтник (...);

Сухóтница (...);

Сухóтный (...) [СРНГ 43: 27].

Каждая из этих трёх статей нежелательным образом объединяет нераспознанные омонимы, этимологически никак не связанные. В первой из них два слова со значениями ‘человек, больной туберкулёзом лёгких’ и ‘болезнь спины’ входят в гнездо прилагательного *сухой* (производные от *сухота*); четыре следующих — именования ‘заботливого, беспокоящегося о других человека’, ‘заступника, благодетеля’, ‘человека, умеющего быстро сближать людей’ и ласковое обращение к человеку (*Дочь зовет отца и мать сухотниками своими*; см. ещё: [Словарь Низовой Печоры 2: 333]) — чресступенные производные от *хотеть*, с префиксом *су-* (следует отметить мотивационный параллелизм между этой группой слов и эпитетом *желанный/ желадный* ‘любимый / любящий; ласковый, сердечный; заботливый, жалостливый...’ с производными — Даль₃ I: 1321–1322; СРНГ 9: 100–101). Во второй статье та же картина: одно сло-

во — название болезни, два других — названия заботливой женщины и фольклорный ласковый вокатив (...*матушка, Вековая моя сухотница*) с иной этимологией. В третьей статье медицинской семантикой объединяются прилагательное со значением (1) ‘страдающий истощением, туберкулёзом лёгких’ и (3) словосочетание *сухотный корень* ‘растение *Arum maculatum*’ (лекарственное растение); по происхождению с ними не связан адъектив со значением (2) ‘заботливый’ (...*не заботны, светы-братьцы, не сухотные*). Составитель всех этих трёх статей, скомплектованных с удивительным бездумием, — редактор тома.

Сухощёлка, м. и ж. Сухощавый, худощавый человек. *Иши, кака сухощелка, ниче не ест, смотреть не на что*. Амур., 1983 [СРНГ 43: 28].

См. [Словарь Приамурья: 293], откуда взята, с заметной формальной правкой, статья. Можно осторожно, никоим образом на том не настаивая, предположить, что составитель статьи в словаре-источникевольно или невольно «скорректировал» запись диалектного слова **сухощепка*. Ср. формы, свидетельствуемые в СРНГ: влад., ряз., ворон. *сухощёпый* ‘сухощавый, худощавый’, ‘тощий (о животном)’, смол. *сухощёповатый* тоже, новг. *сухощёпина* ‘тощий, худой человек’ (ср. также редкую фамилию *Сухощапов*); возможно, сюда же относится и испорченное яросл. *сухощёный* ‘тощий, худой’.

Попутное, но, пожалуй, необходимое замечание. Сравнение комментируемой статьи со статьёй в словаре-оригинале проливает некоторый свет на технологию адаптации в СРНГ материала, черпаемого из других, уже готовых лексикографических изданий. В данном случае: (а) снята pragматико-стилистическая помета «неодобр.» (в СРНГ она, можно заметить, применяется реже необходимого); (б) объяснение «о худом человеке» заменено выпрямляющей, но в то же время несколько елозливой формулой со смягчительными прилагательными-сионимами, см. выше; (в) поставлена запятая после частицы *иши* (чем фразе навязывается иной ритмико-интонационный контур); (г) устраниены знаки ударения в текстуальной иллюстрации (что, как можно было видеть, нередко приводит к двусмысленностям); (д) буква *ё* заменена на *e* (что несомненно увеличивает энтропийность графических приёмов, взятых на вооружение в этом лингвистическом издании); (е) написание *иии* как посильное отражение диалектной фонетики заменено обезличивающей, снимающей указание на твёрдость согласного, буквой *щ*... Всё это, конечно, мелочи, но как много можно сделать с текстом чуть длиннее стандартной книжной стро-

ки. Понятно, что создание кумулятивного лексикона, каковым является СРНГ, нуждается в некоторых нивелирующих процедурах, но не слишком ли большими оказываются гарантированные потери? Складывается ощущение, что в основу адаптационной технологии словаря положена едва ли не последовательная жёсткая, если не сказать жестокая, установка на деиндивидуализацию диалектных данных и устранение самой идеи различия, составляющей сущность диалектологии как дисциплины.

Су́якотка, жс. 1. Муравей. (...). Любыт. Новг., 1995. 2. Трудолюбивый человек. Любыт. Новг., 1995. (...) [СРНГ 43: 48].

В заголовочной форме с большой вероятностью можно видеть результат графической порчи, предположив в качестве правильного написание *су́якотка; ср. фонетически близкие формы *ссякотка* ‘муравей’ (см. выше, в комментарии к статье **Сунганец**), *ссякотник* ‘муравейник’ [СРНГ 41: 11]. Материал комментируемой статьи почерпнут из [Новгородский словарь 11: 11], но с подновлениями. Во-первых, в статейном пункте 1. словаря-источника вместо собственно толкования дана ссылка к статье **Сюн**, льющая свет на этимологию слова «суякотка»; опущение составителями СРНГ информации, содержащейся в этом соотнесении, маложелательно. Во-вторых, в словаре-источнике ударение стоит на другом слоге: «суякотка». Зачем понадобилась в СРНГ эта ничем не оправдываемая акцентологическая правка? (Попутно: в статейном пункте 2. словаря-источника допущена пусть небольшая, но всё же погрешность: толкованию предпослана квалифицирующая помета «*перен*⟨основе⟩», хотя дело касается не метафорического употребления, а фигурирования слова в сравнительном обороте *Трудится как суякотка* — в конструкции уподобления, семантического переноса не содержащей.)

Схáхи, мн. Моча. Палк. Пск., 1960 [СРНГ 43: 52].

Напрашивается, конечно же, сближение с корнем *съ-* // *сс-* (< **sъc-*), но в случае с написанием *схахи* требуется некоторая ловкость для восстановления облика второй согласной буквы.

Схвáстывать, несов., *неперех*. Хлестать (веником). Я, раба Божия, (...) схвастываю шелковым веником все скорби, все болезни (...) (заговор). Арх., 1912 [СРНГ 43: 52].

В статье наблюдается нагромождение мелких оплошностей: 1) глагол, вопреки призаголовочному ярлыку, переходный; 2) значение — не

‘хлестать’, а ‘изгонять (магическим) хлестанием, «схлёстывать»; 3) в устной речи нет никаких «заглавных» произношений, и прилагательное *божий*, не поддакиваясь к дурной моде и не умножая орфографической разноголосицы (см. иллюстрации к статье **Божий** — [СРНГ 3: 63–64]), разумнее набрать с минускулой.

Схилéть, сов., неперех. *{...}* [СРНГ 43: 57].

Грамматические пометы при заголовке статьи справедливы, если имеется в виду только первое значение — ‘стать хилым, слабым, дряхлым’ (по Далю). Во втором же значении — ‘наклонять, опускать, нагибать что-л.’ (*Схилеть стали и пролили*. Урюп. Волгогр., 1992) — слово нуждается в пометах прямо противоположного содержания. Недосмотром подобного рода, по беглым впечатлениям, в СРНГ немало; необходим тщательный целенаправленный просмотр всего словаря, особенно выпусков последних лет. Что же до этимологического отождествления толкуемых слов, чем обусловлено их совмещение в статье, то оно не слишком надёжно, см. [ЕСУМ 6: 173–174].

Схлупень, м. Бревно на гребне двускатной крыши, прижимающее тес, доски. Том. Том. *{...}* [СРНГ 43: 61].

Не привычный ли всё же *охлупень* [СРНГ 25: 35–36]? См. [Даль₃ II: 2006; Фасмер III: 176; Зеленин 1991: 296].

2. Сходíть, несов., неперех. *{...}* 1. *{...}* 2. *{...}* [СРНГ 43: 67].

В этой статье все речения, числом семь, включённые в «цифру» 1 (*сходить за обедню*, *сходить под корову* ‘подоить…’, *сходить дорогу* ‘совершить поездку’, *сходить на родители* ‘посетить кладбище’ и др.), и половина примеров, входящих в «цифру» 2 (‘входить, заходить’), должны быть характеризованы грамматической пометой противоположного содержания — «сов.», а глагол во фраземе *сходить дорогу*, вопреки уверениям словаря, — «перех.». Судя по таким вопиющим оплошностям, СРНГ вообще не подвергается научному редактированию и корректорской вычитке.

Сходóл, м. Безводная долина, суходол. *{...}* *Пошли трясти бахчи в сходол.* Р. Урал [СРНГ 43: 70].

Деэтимологизация слова, повлёкшая языковую утрату слога, очень маловероятна. Скорее здесь мы имеем дело с чисто речевой аллегровой синкопой, вроде *к прикмахеру* у грибоедовской Софьи (правда,

последнюю отчасти оправдывает говорение стихами). Вряд ли нелексикализуемые результаты подобного сглатывания гласных звуков в потоке речи заслуживают регистраций в ранге словарной статьи.

Схоменуться, сов. 1. Спохватиться, опомниться. (...) 2. Вспомнить что-л. (...) [СРНГ 43: 73].

Вокализм, который назначен этой статьёй корню слова, вызывает недоумение. Все приведённые в ней текстуальные примеры почерпнуты из диалектных словарей и картотечного материала, имеющих отношение к акающим говорам (Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Псковская, Смоленская, Сталинградская, Тамбовская области / губернии; «Дон»). Проверка этого материала по региональным словарям, насколько она оказалась возможной, дала только написания, никакого «оканья», конечно, не отражающие (см., например, [Добровольский: 892] — *схамянуться*; [Миртов: 219; Словарь донского казачества: 350]; см. также [Даль, IV: 659]). В СРНГ воспроизведён пример из западнобрянского словаря [Расторгуев: 256], но с внесением правки, которая никак не предупреждена и не объяснена: на месте оригинальной записи *схамянулся* появилось «улучшенная»: *схоменулся*. Украинский язык, которому — за исключением части северных говоров, граничащих с белорусским и русским языками, — аканье чуждо и обнаруживается лишь в немногом числе старых лексикализованных случаев, повода к такому «улучшению» также не даёт: здесь только *охаменутися* и *схаменутися*. Этимология, которая относит глагол к гнезду праслав. **menqtí (s)e* и в сегменте *-ха-* видит экспрессивную приставку (см. [Меркулова 1985: 62]), вряд ли надёжна. В украинском и белорусском этимологических словарях [ЕСУМ 5: 490; ЭСБМ 13: 86–87] глагол с гораздо большей убедительностью рассматривается как славянское заимствование из средневерхнемецкого языка (*schamen, schēmen*), унаследовавшего др.-верх.-нем. *scamēn* ‘стыдиться’ (см. [Kluge₂₀: 634]). Как бы то ни было, никаких причин для графического подновления русской диалектной лексики не видно. Остается гадать: что заставило С. А. Мызникова, составителя комментируемой статьи и редактора анализируемого словарного выпуска, 9 (повторно прописью: девять) раз прибегнуть к сознательной насилиственной «ревокализации» слова, да ещё при цитировании с вмешательством в правописание, которого держатся «не подведомственные» ему диалектные лексиконы? Правка источников, и не только орфографическая, составляет вопиющую черту СРНГ, завещанную его инициатором Филиным.

Схчéиться, сов. Окончательно сосвататься. Кологр. Костром., 1896 [СРНГ 43: 79].

Ср. территориально и хронологически неблизкое калин. *съячéиться* ‘соединиться’ ([СРНГ 43: 182]: *Он съячeился с ней*. — 1972; орфография источника; толкование неполно, следовало: «соединиться браком / в браке»). Возникший на страницах пылко общественной мысли («Былое и думы» и проч.) образ-концепт «семья — ячейка общества» распространился до возможностей проникновения в формы обыденной речи, диалектной в частности. В написании заголовочного слова буквенный значок *x* на месте предполагаемого двубуквенного сочетания *-ъя-* смущает не слишком сильно: в беглом и без отрыва пера начертании литера *я* может оказаться похожей на *x*, а «разделительный твёрдый знак» блистательно отсутствует в знакомых малограмотных написаниях *комячейка*, *пармячейка* («устар.»), *сверхестественый*, *обяснить*, *предявить*.

Съеснíна (...). Что-л. съестное (...). [СРНГ 43: 117].

Замечание касается не ошибок в восприятии лексикографом графических знаков, а непоследовательности в выборе вариантов буквенной передачи консонантных сочетаний с непроизносимыми фонемами; ср. далее в словаре: **Съестной**. Поскольку в случаях вроде **Лестница** или **Звестный** словарь придерживается «нефонетического» выбора, то и в комментируемом случае, по-видимому, следовало восстановить «правильное» написание.

Впрочем, легко давать советы со стороны...

Съявить (...). Сиять. (...) по двору ходит, весь двор украшает, в сени вышла, все сени съявлют. Смол., 1891 [СРНГ 43: 119].

Последнюю финитную глагольную форму в цитате-иллюстрации нужно было воспроизвести с использованием *ь* («мягкого знака»), а не *ъ* («твёрдого знака»): начальное [c-] (или [c'-]) — не префикс. Заголовочный же инфинитив на письме должен выглядеть как **Съять**, поскольку звук [v'] в составе финитной формы *съявлют* представляет собою только «усилительную» замену слабого йотового консонанта в межвокальной позиции, поддержанную к тому же огублённостью следующего гласного.

Съяться, несов. Засеваться (о хлебе). *Съямся, а хлеб еще старый есь.* Моск. Моск., Втор. Доп., 1858 [СРНГ 43: 120].

Возникает сильное подозрение, что литера *ъ* в заголовке и в глагольной форме, открывающей цитату, — ошибочное воспроизведение «*сять*» (*ю*). Смущает, однако, что упомянутая цитатная глагольная форма подпорчена и неверным с точки зрения литературной орфографии написанием флексии (следует: *-ем(ъ)-*). Но это, возможно, отражение диалектного вокализма (каковое соображение может быть поддержано передачей в тексте других особенностей диалектной речи: *есъ*). Если так, то ударение в заголовке статьи не взято из использованной записи, где его, по-видимому, нет, а проставлено наугад. Одним словом, заголовочная статья должна выглядеть — в нынешней, разумеется, орфографии — как «*Сéяться*».

Кроме того, неточна дефиниция глагола: следует ‘сеять хлеб (согласно хозяйственному календарю)’, поскольку в приведённом текстуальном примере толкуемый глагол — в первом лице множественного числа, то есть речь не «(о хлебе)», а о «нас». Для академической лексикографии такие откровенно любительские содержательные и грамматические неточности — безусловный грех.

Съяючий (...). Блестящий, сияющий (о начищенной посуде, утвари). Олон., 1885. *Съяючий самовар, по-нунешнему дак блестячий*. Вашк. Волог;

Съять (...). Сверкать, блистать. Пудож. Олон., 1903 [СРНГ 43: 121].

Претензии к обеим заголовочным формам близки к тем, что в заметке о статье **Съявить** (см. выше): использован — не столь существенно, кем, собирателем-регистратором диалектной лексики или одним из составителей СРНГ, — «твёрдый знак» вместо «мягкого знака». Остаются также сомнения касательно инфинитива *съять* (**съять*?), но статья не снабжена текстуальным примером с финитной формой, который хотя бы отчасти мог прояснить картину.

Сыздалéре, нареч. С большого, далекого расстояния, издали. (...). Пинеж. Арх., 1968 [СРНГ 43: 124].

В обратном лексиконе к СРНГ, сформированном на картотечном материале и изданном, следует отметить, задолго до обсуждаемого выпуска, такой позиции нет, см. [Инверсионный индекс 2000: 134]. Оправдать форму *сыздалере* какими-либо формальными параллелями не удаётся, если вообще возможно. Гадательны все соображения на этот счёт, вплоть до допущения описки в форме *сыздалече*: последняя представлена тут

же, в непосредственном соседстве, и не обратить на себя внимание со-
ставителя статьи не могла никак.

Сынáх, м. Сын. *Сынах второй на дороге работает*. Амур., 1983.
[СРНГ 43: 135].

Суффикс *-áx* представляет собою сравнительно редкий синкопирую-
щий и одновременно переключающий слово в другую грамматическую
категорию вариант суффикса *-áxa*,ср. *птах* ‘птица’, *голах* ‘оборванец’,
милах ‘любовник’, *валях* ‘лентяй’, ‘неряха’, *сиклях* ‘муравей’. Словарная
статья не вызвала бы специального в настоящем контексте интереса, если
бы иллюстрация к ней не дублировала ту, которою снабжена соседняя сло-
варная статья **Сынáха** (с теми же, разумеется, территориальной и хроно-
логической пометами). Нужно заметить, что выявление форм косвенных
падежей таких имён в кабинетных условиях наталкивается на непреодо-
лимую лакунность словарных показаний, и подозрение, что *сынах* — это
произносительное, то есть в данном случае речевое, а не языковое яв-
ление, отстранить не удаётся. Обычный, если не преимущественный мо-
дус существования значительной части таких слов, производных от тер-
минов ближайшего родства и от имён собственных, — вокативный (ср.:
Сына!, *Сынуля!*, *Сынаша!*, *Доча!*, *Дочура!*, *Дочух!*, *Ма!*, *Мамусь!*, *Пап!*,
Папань!, *Деда!*, *Бабуль!*, *Дядюш!*..., *Коль!*, *Петюш!*, *Тань!*, *Любаши!*...), и
обнаружить такие образования в повествовательном контексте,
подобно примеру к комментируемой статье, трудно; больше прочих по-
везло, как можно наблюдать, эмансирировавшейся форме *мамаша*, уже
параллельная форма *папаша* ей в этом качестве сильно уступает.

Сынчина, ж. Гулянье для девушек, которые собираются в одном
доме, веселятся и едят принесенные лакомства. Бурнашев [СРНГ 43: 138].

Лучше известна форма *ссыпчина*. Лексикиализован ли испорченный ва-
риант или же это досадный *lapsus legendi* — *н* на месте *н*? В силу единич-
ности показанного случая сбой в зрительной рецепции более вероятен.

Сыпíснежный (...) Сыпйснежны цветки. Цветы шиповника.
Сиб., 1921 [СРНГ 43: 141].

Насколько точна передача фонетического облика слова (вернее, на-
сколько литература *с*, использованная в записи слова дважды, соответствует
его произношению «информатором» лексемы **шипичничный* ← **ши-
пичник* ‘шиповник’, см. [Даль₃ IV: 1485]) и поддерживалось ли звучание

слова, по своей раритетности уже утерянного, ложноэтимологическим его осмыслением, не ясно. Поэтому настоящее замечание носит условный характер. Впрочем, ниже на той же странице СРНГ помещена менее испорченная форма *сыпышник* ‘шиповник’, свидетельствуемая записью 1952 г. в Читинской области.

4. Сыпка, ж. Тяпка с зубьями для работы в огороде. (...) Лен.-Кузнецк., Кемер., 1986 [СРНГ 43: 141].

Рукописные *а* и *ы* в небрежном исполнении могут путаться между собою (см. [Журавлëв 1995–2023 1: 190, 192]). Ср. *сапка* (→ *цапка*; этиологизация последнего, относимого в [ТСРЯ 2007: 1075] к *цапать*, неточна: это сильно русифицированный галлицизм). Замечание условно: исходную запись нужно, пожалуй, видеть глазами.

Сырослán (...);

Сырослáнец (...);

Сыростлán (...). Лен, который расстилают на поле сразу после уборки, не моченый и не сушеный (...);

Сыростлáнец (...). [СРНГ 43: 166].

Случай, напоминающий тот, который уже был затронут выше, в разговоре о статье **Сухогру́зок** (название гриба), но лишь отчасти. Внутреннее устройство формы *сухогру́[ск']и* диалектоносителем было прекрасно осознаваемо, и непроизносимый согласный очевидным образом прояснялся в подразумеваемой форме именительного падежа единственного числа **сухогру́здок*. Случай же, обсуждаемые здесь, ближайшими композитными формами не проверяются, чем и вызваны колебания в написании этих слов в привлечённых источниках. В оправдание показанного разнобоя следует заметить, что принятая орфография ближайше родственного литературного слова *сланец* — это малодушная уступка традиции, которая противоречит этимологии слова (см. [Преображенский II: 320; Фасмер III: 666; Цыганенко: 430]). Ср. подобный случай со словом *склянка* (в XX веке сохраняющего исторически корректный облик основы, *стклян-*, лишь в имитациях старых написаний — у Пантелеимона Романова, Саши Чёрного, Чапыгина, Вагинова и др.).

Сюсиóк, м. 1. Сучок. *Татарин рубил избу, топор выломал об сучок и несет этому хозяину топор — об сюсик сломал.* Верхнеуд., Забайкалье, 1927 [СРНГ 43: 188].

Вряд ли слово, фонетически искажённое в речи носителя другого языка, нужно рассматривать как предмет для собственно русской лексикографии. Отсутствие необходимости в этой словарной статье усиливается скандальным несовпадением вокабулы с формой слова в иллюстрирующей цитате: *сюсик* (ожиданным, если уж на то пошло, было бы **сюсёк*).

Литература

- Аникин РЭС — *А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь.* 1–. М., 2007–.
- Березович, Кучко 2024 — *Е. Л. Березович, В. С. Кучко. Еще раз о происхождении рус. «супир, суперик ‘перстень’* // Русская речь. 2024. № 6. С. 52–71.
- Буковинський словник — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- Верхратський 1902 — *І. Верхратський. Про говір галицьких лемків.* Львів, 1902.
- Даль_з — *В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.* 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
- Добровольский — *В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь.* Смоленск, 1914.
- Добродомов 2009 — *И. Г. Добродомов. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала* // Вопросы языкоznания. 2009. № 4. С. 92–109.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Журавлëв 1995–2023 — *А. Ф. Журавлëв. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А–З* // *Dialectologia slavica. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.]* М., 1995. С. 183–193; *2. СРНГ, И–К* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93–104; *3. СРНГ, Л–М* // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265–282; *4. СРНГ, Н–О* // Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. [Вып.] 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 265–281; *5. СРНГ, О–П* // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 382–389; *6. Словарь русских народных говоров, П* // Известия Уральского государственного университета. 20. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. С. 172–178; *7. СРНГ, П* // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. [Вып.] 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. С. 120–131; *8. СРНГ, П* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2014. [Вып.] III. Диалектология. С. 168–187; *9. СРНГ, Р* // *Palaeoslavica.* 2012. Vol. XX. N 1. P. 261–276; *10. СРНГ, Б–Р* (дополнение к предыдущему) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. [Вып.] XII. Диалектология. С. 159–175; *11. СРНГ, С* // *Palaeoslavica.* 2019. Vol. XXVII. N 1. P. 241–260; *12. СРНГ, С* // *Palaeoslavica.* 2022. Vol. XXX. N 1/2. P. 66–83; *13. СРНГ, Б–П* (дополнения) // Слово

- во и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. М., 2023. С. 123–135.
- Журавлëв 2016 — А. Ф. Журавлëв. Русск. парень // А. Ф. Журавлëв. Эволюции смыслов. М., 2016. С. 279–287.
- Зеленин 1991 — Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Иванова 1969 — А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров / сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. СПб., 2000.
- Мельниченко — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). I. Введение и словарь. Ярославль, 1961.
- Меркулова 1985 — В. А. Меркулова. Восточнославянские этимологии. III // Этимология 1983. М., 1985. С. 58–69.
- Миртов — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Мызников 2005 — С. А. Мызников. Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская Республика. Республика Марий Эл. СПб., 2005.
- Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000. Т. 1–12, 13 (дополнительный).
- Новосибирский словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- ОЛА ЛСС Животный мир — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. 1. Животный мир. М., 1988.
- Преображенский — А. [Г.] Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. I–II; «Выпуск последний» (*тело — ящер*) // Труды Института русского языка. М.; Л., 1949. Т. I [Репринтное воспроизведение целиком: [Китай], 1956].
- Расторгуев — П. А. Растворгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- Словарь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
- Словарь Низовой Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2005. Т. 1–2.
- Словарь Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Смоленский словарь — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Т. 1–11.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–. Т. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Т. 1, 2; Л., СПб., 1968–. Т. 3–.
- ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.

- Цыганенко — Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978—. Т. 1—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—. Т. 1—.
- Янин 2000 — Е. П. Янин. О токсичности и лечебных свойствах ртути (краткий исторический экскурс) // Эколого-геохимические проблемы ртути. М., 2000. С. 161—179.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—1991. [Т. 1—10].
- ESSJ — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Praha, 1973—1980. Т. 1—2.
- Kluge₂₀ — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Aufl. bearb. von W. Mitzka. Berlin, 1967.
- Kopečný 1981 — Fr. Kopečný. Základní všešlovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
- Machek₂ — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Reverse Index 1991 — Reverse Index to the *Dictionary of Russian Dialects*. Preliminary Version, vols. 1—25. Urbana, Illinois, 1991.
- Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—. Т. I—[не завершён].

Summary

Anatoly F. Zhuravlev
(Moscow)

Lexicographic phantoms. 14. СРНГ, С

The proposed series of notes on dubious, from the author's point of view, header forms (usually *gapax*) in the consolidated dialect dictionary of the Russian language is a continuation of previous publications on the same topic, where the nature of observations and put forward interpretations is explained.

Keywords: dialect lexicography, consolidated dialect dictionary of the Russian language, *hapax*